

КАК ПРОИСХОДИЛА РАССЫЛКА ЭДИКТОВ АШОКИ

В данной статье я собираюсь свести воедино результаты своих и чужих изысканий по следующим вопросам: как выпускались эдикты Ашоки, как они рассылались из столицы по регионам, как их там обнаруживали. Недавно найденные надписи позволяют расширить материал источников и развить те идеи, которые уже высказывались ранее.

Выпуск эдиктов. В последние годы, благодаря работам К.Л. Янерта, данный вопрос прояснился. На основании тщательного анализа колонных эдиктов (далее – КЭ) ученый пришел к заключению¹, что интервалы между небольшими группами слов в надписях по большей части указывают на паузы, которые делал человек, зачитывавший текст. К.Л. Янерт полагает, что царским посланцам эдикты диктовали, а затем они, в свою очередь, диктовали их, прибыв на место назначения. Он показал также, что все версии КЭ представляют два извода, различие между которыми состоит в долготях (или краткости) гласных.

Рецензируя *magnum opus* К.Л. Янерта², я согласился с его гипотезой о том, что пробелы между группами слов соответствуют паузам при диктовке. В то же время я отметил, что во всех местных версиях КЭ при разделении текста на слова присутствуют одинаковые ошибки, а из этого можно сделать вывод о наличии у них общего письменного оригинала³. По моему мнению, названные выше два извода скорее всего отражают особенности произношения тех секретарей, которые писали под диктовку царя.

Давно известно, что и Большие наскальные эдикты (БНЭ) имеют два извода. Недавно эту тему обсуждал У. Шнейдер⁴. Он показал, что различие в долготях гласных присутствует и здесь (хотя не совсем так, как в КЭ). Дело, однако, затрудняется тем, что идентичные ошибки или сходные формы порою встречаются и в таких местных версиях эдиктов, которые принадлежат разным изводам. Поэтому мы можем утверждать, что ветви эти порою перекрещиваются.

Способ рассылки эдиктов. В дополнение к вопросу об устной или письменной форме передачи эдиктов имеется еще одна проблема – соотношения версий одного и того же эдикта. Известно, что в БНЭ, найденных в той или иной области, присутствуют различные диалектные формы. Устанавливая соотношение между этими региональными вариантами, У. Шнейдер реконструировал «родословное древо»⁵. Один извод соответствует версиям эдиктов, найденным в Калси, Мансехре и Шахбазгархи, другой – в Гирнаре, Дхаули и Джаугаде. Отклонения от оригинала кажутся тем значительнее, чем дальше соответствующий пункт находится от Паталипутры – таким образом, версия, найденная в Шахбазгархи, больше отличается от протографа, чем версия Мансехры, по той причине, что Шахбазгархи дальше от Паталипутры, чем Мансехра.

Л. Альсдорф⁶ ссылался на Г. Людерса, согласно которому Дхаули и Джаугада «ближе всего к оригиналу не только с точки зрения языка, но и по содержанию». В таком случае в сводном издании калингские версии (Дхаули и Джаугада) должны находиться в начале, а гирнарская – в конце, как наиболее произвольная и далекая от протографа. У. Шнейдер пришел к противоположному выводу, будто гирнарская

¹ Janert K.L. Abstände und Schlussvokalverzeichnungen in Aśoka-Inschriften, Wiesbaden, 1972. S. 20.

² Norman K.R. Review of Janert. Op. cit. // AO. 1974. 36. P. 488.

³ Ibid. P. 489.

⁴ Schneider U. Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Kriüsche Ausgabe. Wiesbaden, 1978.

⁵ Schneider U. Zum Stammbaum der grossen Felseninschriften Aśokas // Indologen-Tagung 1971. Wiesbaden. P. 224–237.

⁶ Alsdorf L. Contributions to the study of Aśoka's inscriptions // S.K. De Felicitation. Volume. Poona, 1960. P. 253.

версия ближе к оригиналу, чем калингские, несмотря на географическую близость Дхаули и Джаугады к Паталипутре. Поэтому он должен был постулировать, что посол, располагавший текстом эдиктов данного извода, сначала отправился на запад – в Гирнар и лишь затем по торговому пути вдоль рек Нармада и Маханади вернулся на восток – в Дхаули и Джаугаду.

Мой собственный анализ вопроса о том, как готовились экземпляры царских посланий, не позволяет согласиться с У. Шнейдером. Я считаю, что метод рассылки эдиктов не дает возможности восстанавливать «родословное древо»⁷. По-моему, для каждого пункта готовилась отдельная копия эдикта. Исключение составляют лишь Дхаули и Джаугада, явно располагавшие одной копией, а также Мансехра и Шахбазгархи, где порою проявляется особая близость (например, в БНЭ IX Шахбазгархи содержится чтение *dhramagalena*, Мансехра *dhramagalena* в противоположность Калси: *dhammagalena* и Еррагуди: *dhammagalena*; это показывает, что Шахбазгархи и Мансехра располагали одним и тем же дефектным экземпляром).

Известно, что некоторые из ошибок, встречающиеся в надписях Ашоки, могут быть объяснены лишь особенностями письменного оригинала. Например, *dighāya* в Гирнаре (БНЭ X, A), вероятно, появилось в результате ошибки писца вместо **āyatāye*, где знак для «ā» стоит вместо ожидаемого «i» (*āyatīye*)⁸. Кто-то может возразить на это, что письменный текст могли изготовить и на месте – в качестве пособия для резчика по камню. Однако, видимо, это не так: некоторые оплошности в северо-западных версиях, написанных шрифтом кхароштки, объясняются тем, что в их основе лежал неисправный текст шрифтом брахми. Уже Л. Альсдорф⁹ обратил внимание на то, что форма *raḥradāne* в БНЭ IX (Калси) объясняется ошибочным прочтением слова *raḥradāye*. Но знаки для «па» и «уа» сходны лишь в алфавите брахми, а не кхароштки. Ту же самую ошибку мы видим и в варианте на кхароштки из Шахбазгархи – *raḥradane*, а следовательно, версия на кхароштки восходит к оригиналу, написанному на брахми.

Конечно, нет ни малейших оснований думать, что устное послание писец сначала зафиксировал на брахми и лишь затем перевел его на кхароштки. Значит, эдикт был записан на брахми еще до того, как его доставили в тот пункт, где он был высечен на камне.

Перевод и изводы. Хотя версия БНЭ из Еррагуди¹⁰ сохраняет больше восточных диалектных особенностей, чем любая другая, в ней присутствуют и черты западного диалекта (например, относительные местоимения на «у-»). В версии БНЭ из Калси – хотя она по преимуществу восточная – западные диалектные формы встречаются еще чаще. Соответственно на западе и северо-западе мы видим признаки восточных диалектов. Например, в Гирнаре – написание *anusasṭi*, очевидно, восходит к восточному *anusasṭhi*, хотя данная форма повсюду в областях распространения восточного диалекта, за исключением Еррагуди БНЭ XIII¹¹, заменена на западное *anusasṭhi*. Некоторые из вариантов появляются бессистемно – то ли по вине местных писцов, то ли тех работников столичной канцелярии, которые отвечали за изготовление копий. Последнее нам кажется более правдоподобным: видимо, по небрежности секретарей черты их собственного диалекта проглядели в те экземпляры, которые предназначались для рассылки в различные регионы.

Отправитель. Очевидно, в каждую надпись было необходимо включить упоминание о том, что она исходит от царя и таким образом освятить ее авторитетом власти. Все версии Малого наскального эдикта (МНЭ) I¹² начинаются со ссылки на *devānapriya*. Я полагаю, что *devānapriya* – почетный титул, который перевозжу как «Его

⁷ Norman K.R. Review of Schneider. Die Grossen Felsen-Edikte. // AO. 1979. 40. P. 352.

⁸ См. также Norman K.R. Lexical Variation in the Aśokan inscriptions // CP. V. 1. P. 136 ff.

⁹ Alsdorf. Op. cit. P. 262.

¹⁰ Niklas U. Die Editionen der Aśoka-inschriften von Еррагуди. Bonn. 1990.

¹¹ Norman K.R. The Orthography of the Gimar Version of the Aśokan Rock Edicts // BEI. 1988. 5. P. 276 f.

¹² См. Andersen P.K. Studies in the Minor Rock Edicts of Aśoka. 1. Critical Edition. Freiburg, 1990.

Величество». К этому добавляется имя «Асока» в версии из Маски и слова «царь Асока Пиядаси» в версии из Гуджарры. Мы можем быть уверены в том, что подобные дополнения делались по указанию местной администрации. Вставка имени Ашоки в Маски и в Гуджарре – не что иное, как попытка получателей эдикта пояснить читателям (или, скорее, слушателям), какой именно devānapriya его прислал.

В МНЭ II содержатся слова: «Его Величество говорят», а в версиях из Ниттура и Удеголама добавлены слова «царь Ашока». В каждом из 14 БНЭ упоминается devānapriya Piyadasi (на соответствующем диалекте) – обычно «Его Величество Пиядаси говорит» и «это написано по приказу Его Величества Пиядаси». В I и II Особом наскальном эдиктах (ОНЭ) говорится: «по приказу Его Величества», во всех КЭ – «Его Величество Пиядаси говорит так», в эдикте из Байрата – «Пиядаси, царь Магадхи, говорит», в «Эдикте о расколе» из Аллахабада и Сарнатха (начало версии из Санчи отсутствует) – «Его Величество повелевает», в так называемом «Эдикте царицы» – «по приказу Его Величества».

Адресаты. Я полагаю, что любой эдикт, продиктованный Ашокой (или вышедший из его канцелярии) сопровождался обращением, дабы осведомить царских посланцев, куда именно они должны его доставить.

Три майсорские версии МНЭ I (из Брахмагири, Джатинга-Рамешвара и Сиддапура) начинаются с такого обращения. Оно содержит приветствие – но не от Его Величества, а от арьяпутры и махаматров Суварнагири к махаматрам Исилы. После этой преамбулы майсорские надписи приводят слова Его Величества примерно так же, как они даны в других местных версиях МНЭ. Можно думать, что первоначально сопроводительное письмо содержало обращение к арьяпутре и махаматрам Суварнагири, последние же переадресовали его и, согласно полученным инструкциям, разослали по своей территории. Махаматры Исилы приказали высечь эдикт в том же самом виде, по меньшей мере в трех местах (хотя, конечно, лишь одно из них может быть Исилой). Писец был один и тот же, и он по оплошности воспроизвел то обращение, которое имелось в начале послания. Идентичность всех трех версий эдикта показывает, что его развозил тот же самый писец, который высекал его на камне. В конце каждой надписи он написал на кхароштки – «писец (липикара) Чапада»¹³.

Версия МНЭ I из Пангурарии адресована кумаре Самве. Слово Piyadasināma в начале ее указывает, что эдикт исходит от царя Пиядаси, между тем как сам текст включает – как и в других версиях – только почетный титул Его Величества. Первая строка версии МНЭ I из Ахрауры почти не читается, но наличие в конце piyo (очевидно, окончание слова devānapriyo) sāti заставляет предполагать, что надпись содержала обращение со словом devānapriyo. Впрочем, возможно, это слово принадлежит собственно тексту эдикта, который во всех версиях начинается словом devānapriyo в той или иной форме (и в ряде версий поблизости находится и sāti). Однако наличие на следующей строке слова sādhiḱāni (если чтение надежно), соответствующее sāti(rekāni) в других версиях, делает последнее предположение сомнительным.

Ни в МНЭ II, ни в БНЭ обращений нет, однако в ОНЭ I и II, найденных в Дхаули и Джаугаде, они имеются. ОНЭ I адресован махаматрам (которые являются nagalaviyohāḷaka) в Тосали и в Сампе соответственно. ОНЭ II адресован кумаре и махаматрам Тосали и махаматрам (которые являются gājavasanika) в Сампе. Недавно обнаружена третья версия ОНЭ (в Саннати), но она так сильно повреждена, что обращения исчезли, даже если они и были. ОНЭ были предназначены для администрации и других районов Индии – это явствует из того, что в ОНЭ I имеются инструкции кумаре Уджени и махаматрам Такхасилы (Таксилы) совершать объезды территории с иной периодичностью, чем та, о которой речь идет в основной части эдикта.

В колонных эдиктах обращений нет. Версия «Эдикта о расколе» на колонне, которая ныне находится в Аллахабаде, адресована махаматрам в Косамби (Каушамби).

¹³ Norman K.R. Middle Indo-Aryan Studies X. Notes on some vocables in Aśoka's Minor Rock Edicts // JOI (B). 1973. XXIII. P. 64.

Наличие слов «махаматры Косамби» в этой версии считают доказательством того, что колонна первоначально находилась в этом городе и лишь позднее была перевезена в Аллахабад¹⁴. Это, конечно, вполне возможно – известно, что колонны, когда-то стоявшие в Топре и в Мирате¹⁵, ныне находятся в Дели. Однако решение загадки может быть и другим: махаматры Косамби получили приказ распространять царское послание по своей территории и просто переправили его дальше, а их подчиненные приказали высечь эдикт без всяких изменений, не замечая, что в обращении указана иная местность¹⁶. Аналогичное объяснение подходит и для версии из Сарнатха, начало которой повреждено, но читаются знаки Pāṭa. Еще Л. Альсдорф¹⁷ отметил удивительный факт, что эдикт, адресованный махаматрам Паталипутры (если Pāṭa соответствует названию этого города¹⁸), оказался в Сарнатхе. В версии «Эдикта о расколе» из Санчи достаточно места для обращения, но текст неразборчив. «Эдикт царицы» обращен к махаматрам повсюду: У. Шнейдер¹⁹ указал, что первая фраза эдикта из Байрата представляет собою обращение царя к буддийской сангхе.

Дата. Возможно, все эдикты содержали сведения о времени их издания – указания на год правления или на день рассылки. В некоторых версиях МНЭ I имеется число 256 (словами или цифрами). Я полагаю, что это число представляет собою дату отправления писем махаматрам – 256-й день со дня выезда (вероятно, из Паталипутры) или, может быть, от начала данного года правления²⁰. То, что все датированные МНЭ имеют одинаковую дату – 256, независимо от того, где они найдены, показывает, что они были разосланы в один и тот же день. КЭ и БНЭ датированы по годам правления.

Инструкции относительно обнародования эдиктов. Я полагаю, что «сопроводительное письмо» к каждому эдикту включало не только обращение, но и инструкции о том, как поступить с посланием. Если послание предназначалось для публичного оглашения, оно включало прямые указания на этот счет, впрочем, возможно, порою такие распоряжения относились к целой серии эдиктов. Писцы в разных районах сами решали, надо ли эти инструкции тоже высекать на камне.

В трех версиях МНЭ I имеются сведения о том, где они будут начертаны: в Рупнатхе – «надлежит приказать написать это на скалах», в Сахасраме – «и напишите это на скалах», в Пангуарии – «где есть скалы и каменные плиты – там (следует написать)». Версия из Рупнатха содержит также приказ распространять эдикт по той области, которой управляет адресат: «в этих словах повсюду, где ваши владения». Аналогичное требование содержалось и в экземпляре, полученном в Ниттуре. Писец включил в эту надпись утверждение, что эдикт провозглашен в соответствии с царским распоряжением: «И по всей земле разослано – как царь Асока повелел». Уже говорилось, что версия из Ниттура включает также имя царя Асоки как отправителя (МНЭ II). По моему мнению, все версии МНЭ I первоначально содержали число в 256

¹⁴ Cunningham A. *Inscriptions of Aśoka*. Calcutta, 1877. P. 39.

¹⁵ Hultzsch E. *Inscriptions of Aśoka*. Oxf., 1925. P. XV, XVII.

¹⁶ Это не доказывает правоту Дж. Ирвина (*Irwin J. The Prayaga Bull-Pillar: Another pre-Aśoka Monument // SAA 1979*. В. 1981. P. 313–340), полагающего, что Аллахабадская колонна никогда не находилась в Косамби, однако делает такую гипотезу возможной.

¹⁷ Alsdorf L. *Aśokas Schismen-Edikt und das dritte Konzil // III*. 1959. 3. P. 165. Not. 4.

¹⁸ Л. Альсдорф дает такую реконструкцию (Op. cit. S. 165): Pāṭaliputasi mahāmātā vataviyā. Тот факт, что целых две строчки отделяет слова devā[napriye āhā] и Pāṭa[liputasi] показывает, что обращение в Сарнатхе должно было быть значительно пространнее, чем в Аллахабадской версии. Возможно, упоминались и другие махаматры, а знаки eḥa в начале следующей строки, вероятно, указывают на еще один географический пункт. Однако реконструкция Л. Альсдорфа не включает слов samghe samage kate, которых следовало бы ожидать, ибо они имеются в двух остальных версиях; это – уязвимый пункт его построения. Данные три слова могли заполнить лауну между Pāṭa[liputasi] и [na lahi]ye, но тогда оказалось бы необходимо соединить их с Pāṭaliputasi: «на соборе, созванном (?) в Паталипутре сангха стала единой». Впрочем, последнее не очень вероятно, так как в версии из Санчи утверждение о единстве сангхи и о недопущении раскола меняются местами, при этом во фразе о единстве нет никаких упоминаний о Паталипутре.

¹⁹ Schneider U. *The Calcutta-Bairat Edict of Aśoka // Indological and Buddhist Studies (in Honour of J.W. de Jong)*. Canberra, 1982. P. 494.

²⁰ Norman K.R. *Notes on the Ahraura Version of Aśoka's First Minor Rock Edict // III*. 1983. 26. P. 281.

тив, писец версии из Сарнатха начал его писать, но, вероятно, слишком поздно понял, что сопроводительное письмо не предназначено для воспроизведения в камне – поэтому он опустил заключительную фразу, в которой Ашока выражал желание, чтобы буддийская сангха всегда оставалась единой. Он сообразил, что это входит уже в сам текст эдикта. Версия «Эдикта о расколе» из Санчи не имеет инструкций по распространению – писец, очевидно, догадался, что сопроводительное письмо не предназначалось для увековечения. Однако он ошибочно решил, что последняя фраза принадлежит собственно тексту эдикта и потому воспроизвел ее. Некоторые слова из сопроводительного письма («пока будут мои сыновья и внуки, пока светят солнце и луна») по оплошности писец все же оставил²⁹. Я уже высказывал свою точку зрения, что так называемый «Эдикт царицы» вообще не был рассчитан на опубликование: он касался частного вопроса – того, как должны регистрироваться финансовые дела царицы. Хотя он и был адресован всем махаматрам, но сохранился только в Аллахабаде – это заставляет предполагать, что соответствующие махаматры в иных регионах не считали необходимым высечь его на камне³⁰. Обращение царя к сангхе в начале эдикта из Калькутты-Байрата, вероятно, также не предполагалось обнародовать³¹.

Выводы. Итак, я полагаю, что Ашока (или его канцелярист) диктовал эдикты писцам – не менее как двум, – которые пользовались шрифтом брахми. Варианты того и другого извода отражают особенности речи писавших³². Готовилось столько версий, сколько было необходимо для рассылки. Полагаю, что контаминация диалектных особенностей, смешение изводов, происходили уже в царской канцелярии Паталипутры. Именно там была возможность использовать в процессе переписки оба первоначальных варианта, в результате чего одни и те же ошибки вносились в текст, вне зависимости от того, какой именно список был положен в основу. Версии, предназначавшиеся для Шахбазгархи и Мансехры, позднее были переписаны с брахми на кхароштхи.

Следует думать, что письменный текст эдикта всегда сопровождался обращением к махаматре или другому официальному лицу, которому он был адресован. Это обращение не было, строго говоря, частью самого эдикта. Включение фразы «Его Величество говорит» и т.п. поясняло, кто был отправителем послания. Указывался также и адресат.

Открытие в последние годы новых версий МНЭ (в Пангурарии, Ниттуре, Удеголаме) дает нам возможность проверить эти гипотезы. Как уже сказано, писцы в Ниттуре и Удеголаме сочли необходимым так же, как и писец в Маски МНЭ I, добавить к МНЭ II имя «Асока». Писец из Пангурарии включил также имя кумары, которому был адресован эдикт, и поместил в начало надписи число 256. Кажется, это подтверждает вывод, что сопроводительное письмо мыслилось как нечто самостоятельное и потому его текст мог делиться по-разному – по усмотрению местного писца. Например, дата и приказ о воспроизведении на камне в версиях из Рупнатха и Сахасрама поменялись местами³³.

Открытие версий МНЭ в Ниттуре, Удеголаме и Пангурарии показало, что те черты, которые считались уникальными в других версиях, на самом деле, не столь уж редки. В Пангурарии, Рупнатхе и Сахасраме писец включил в текст упоминание скал, на которых надлежало высечь надписи, с другой стороны, он упомянул каменные колонны – так же, как писец в Топре. Писец в Ниттуре, как и в Рупнатхе, был информирован о приказе распространять эдикт повсюду. Вместе с писцом из Уде-

²⁹ Norman K.R. Aśoka's «Schism» Edict // Bukkyōgaku seminā. 1987. 46. P. 11 f.

³⁰ Norman K.R. Notes on the So-Called «Queen's Edict» of Aśoka // Studies in Indian Epigraphy. III. 1976. P. 40.

³¹ Хотя У. Шнейдер утверждает (Die grossen Felsen-Edikte... S. 495), будто Ашока «хотел, чтобы письмо было выгравировано на камне», но я не могу с ним согласиться. Он сам говорит, что слово «сангха» не обязательно относится лишь к местной общине Байрата. Кажется более правдоподобным, что письмо было послано ко всем местным общинам, но только в Байрате адресат считал необходимым воспроизвести его на камне.

³² Norman K.R. Review of Janert. Op. cit. // AO. 1973. 36. P. 488 f.

³³ Hultzsch. Op. cit. P. 167, 170.

голама он решил, подобно своим коллегам из Маски и Гуджарры, включить в надпись имя царя.

Если во всех эдиктах имелось обращение к адресату (хотя лишь немногие писцы его сохранили), то, вероятно, во всех был и заключительный пассаж о том, что послание должно быть запечатлено на скалах, на каменных колоннах или на плитах и его следует распространять повсюду. Но некоторые резчики решили, что это постскриптум, а не часть самого эдикта, а потому не переписали его на камне*.

К.Р. Норман

THE TRANSMISSION OF THE AŚOKAN EDICTS

K.R. Norman

The edicts were originally dictated by Aśoka or a member of his secretariat, to at least two scribes, who wrote down in Brahmi script what they heard. The cross-recension contamination occurred in the secretariat at Pataliputra, where it would be possible for a scribe, copying out site exemplars from the two master recension exemplars, to introduce the same idiosyncrasies or errors into the exemplars he was writing out, irrespective of which recension exemplar he was following.

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1999 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ. ИТОГИ ДИСКУССИИ

Вероятно, главная сложность в изучении киммерийской проблемы состоит в разнообразии имеющихся в нашем распоряжении источников, одинаково квалифицированный анализ которых редко удастся провести в рамках одного исследования. Письменные источники по киммерийской проблеме делятся на две абсолютно несходные группы. Первая из них – это данные античной традиции. Они достаточно многочисленны и разнообразны, однако большинство этих данных известно нам из вторых и третьих рук и сохранилось в сочинениях авторов, живших намного позже реальных контактов греков с киммерийцами. Имевшаяся у античных авторов информация о киммерийцах была весьма скудной, и потому ее недостаток уже с самого раннего времени компенсировался разного рода теориями, рассуждениями и учеными конструкциями. Развитие античной традиции о киммерийцах после их исчезновения с исторической сцены не позже рубежа VII–VI вв. до н.э. происходило не за счет поступления новой информации, а появления новых толкований ограниченного круга уже известных данных. Особенности развития этой традиции требуют весьма осторожного отношения к сообщаемым ею сведениям. Хотя в основе многих сообщений античных авторов лежат реальные события, в каждом конкретном случае при их использовании с особой остротой встает вопрос о проверке достоверности этих сведений, решение которого требует специальных процедур источниковедческого анализа. Недооценка этого обстоятельства и буквальное, зачастую наивное, следование античной традиции, ведет к искажению представлений об истории киммерийцев.

* Перевод А.А. Вигасина.